

Предисловие Николая Старикова

Барон, который не успел спасти Россию

Среди других руководителей Белого движения Петр Николаевич Врангель выделяется практически по всем статьям. И дело не только в необычайно высоком росте и необычном титуле Врангеля. И, разумеется, не в том, что, как мы знаем, он питал слабость к шампанскому марки «Пайпер», за что близкие друзья его Пайпером и называли. Начав Первую мировую войну в чине ротмистра, он закончил воевать в чине генерал-лейтенанта. Командуя эскадром в 1914 году, в 1920 году он стал Главнокомандующим Русской армии. Врангель не был столь принципиальным противником большевиков, чтобы начать с ними борьбу немедленно, чтобы ее организовать и возглавить. Но он стал последним значимым, вошедшим в историю полководцем Белого движения. Не начиная борьбу с большевиками, он, по сути, ее заканчивал. Именно Врангель сумел вывезти из охваченной гражданской войной России более 140 тысяч военных и штатских. Ни одного из белых руководителей, включая Верховного правителя адмирала Колчака Запад не признал. Правительство Врангеля было признано Францией, правда совсем незадолго до его эвакуации. Наконец барон стал первым Белым лидером, который попытался привести в порядок те идеи, с которыми противники большевиков шли в бой. Ведь они, вопреки красной пропаганде и более поздним стереотипам, не выдвигали идей восстановления монархии. Среди белых господствовала так называемая идея «непредрешенчества». Это значит — побьем большевиков, соберем Учредительное собрание, вот оно и решит, какой строй будет в России. Понятно, что такие абстрактные идеи сильно проигрывали четкой пропаганде ленинской команды. Ведь речь шла не только

о политике, но и о экономике: проведение аграрных преобразований предполагалось только после «окончательной победы над большевизмом». Врангель получил армию в весьма плачевном состоянии, после бегства белых в Крым. Но, тем не менее, немедленно переименовал Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) в Русскую армию. И выпустил вот такое обращение к населению:

*«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и за оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов,
бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность
обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина.
Помогите мне, русские люди, спасти Родину!»*

Знаете, что этот текст напоминает? Сталинские «братья и сестры»...

Помимо этого Врангель в Белой Таврии начал... раздавать землю крестьянам. Тут, как ни странно это прозвучит, возникли органы, выбранные самими крестьянами. И они начали земельные преобразования.

Петр Николаевич Врангель был необычным руководителем Белого движения. Но обо всем по порядку.

Не думаю, что мы должны скрупулезно описывать биографию автора мемуаров. Желаящие смогут сделать это самостоятельно — о Врангеле написано много. Нас интересует его путь в эпоху революции и Гражданской войны. Ведь страницы своей книги он посвятил именно этому периоду своей жизни. Ни об участии в русско-японской войне, ни о детстве и учебе не написал. Только война, революция, снова война. Потом поражение.

Карьера у барона была действительно впечатляющая — в августе 1914 года командир эскадрона, правда не простого, а эскадрона лейб-гвардии Конного полка Его Величества Государя Императора Николая II. В декабре 1914 года получил чин полковника, в июне 1915 года был награжден Георгиевским золотым оружием. Зимой 1916 года Врангель — командир 1-го Нерчинского казачьего Наследника Цесаревича полка, входившего в состав Уссурийской конной дивизии генерала Крымова. Но началось его восхождение в историю России с момента

Под большевистской пятой

После тревожной, нервной жизни в ставке я поражен был найти в Крыму совершенно иную, мирную и, так сказать, глубоко провинциальную обстановку.

Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве случаев богатые и независимые, не связанные со службой или покинувшие ее и в большинстве случаев чуждые политической жизни, они внесли с собой в Крым особую атмосферу, столь далекую от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть членов императорской семьи: престарелая императрица Мария Федоровна с дочерьми великими княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, великие князья Николай Николаевич, Петр Николаевич, Александр Михайлович с семьями. В самой Ялте, Алупке, Симеизе и Гурзуфе жил целый ряд лиц петербургского общества, — старых наших знакомых. Все часто виделись между собой. Многие старались перенести сюда привычный уклад петербургской жизни.

Грозную действительность напоминали лишь известия, довольно неаккуратно приходившие с почтой. Через несколько дней после приезда я узнал из газет о трагической гибели генерала Духонина и бегстве Быховских узников. Изредка доходили сведения о продолжающемся уклоне влево демократической Украинской рады и о зреющей на Дону «контрреволюции». В прочность последней я, зная казаков, мало верил, считая, что рано или поздно казачество должно быть увлеченным в революционный вихрь и опомнится, лишь испытав на собственной шкуре прелести коммунистического режима.

Беспечная крымская жизнь продолжалась недолго. Вскоре из северной Таврии пришли первые вести о выступлениях в городах и деревнях всякого сброда, спешившего объединиться под красным знаменем. Местами происходили уже погромы помещичьих усадеб.

Будучи как-то по делам имения в Мелитополе, я впервые на Мелитопольском вокзале увидел красные войска; то возвращались после кровавого урока матросы Черноморского флота, разбитые генералом Калединым под Ростовом. С наглыми, зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь

в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих.

По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили соорганизоваться в лице «Курултая» и крымские татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала «демократическая политика», ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов. Сайдамета, кроме демократических элементов, выдвигала еще и туркофильская группа. В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон Севастополя и Севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщающего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение.

В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказать присутствовать

на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваемым предложенный генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр», выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. Наутро я выехал в Ялту.

8 января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами Крымских драгун, расположенных в Ливадийском дворце, и местной красной гвардией, что крымцы отошли в горы, и власть в городе захвачена советами. Около полудня, от имени советов, появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственной властью в городе является местный совет, и требующие немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного совета, приступили к повальным обыскам.

Эти обыски не миновали и нас. Часов в десять вечера к нам на дачу на Нижне-Массандровской улице явились человек шесть матросов, обвешанные пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой-то мандат и требование допустить их для производства обыска в квартиру. Я отдал приказание их впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тем, чтобы, воспользовавшись обыском, представители «революционного народа» чего-либо не стянули. Все имевшееся у нас оружие еще с утра было надежно спрятано в подвале и на чердаке. Сам я во время обыска, дабы избежать необходимости разговаривать с проходимцами, сел за карточный стол и начал играть в пикет со своим сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросов. Последние всячески, видимо, старались вывести меня из себя, делая вслух дерзкие замечания, намеренно производя шум и передвигая мебель. Но убедившись, что ничто не действует, оставили нас в покое. К этому испытанному приему я впоследствии прибежал не раз во время обысков.

Около девяти часов 10 января я проснулся от орудийной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор Крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. Одевшись, я вышел на балкон вместе с гостившим у нас братом жены. В городе слышалась сильная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстреливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания. Два снаряда попали в соседний с нашей дачей дом, а несколько осколков упало у нас в саду.

Около полудня мне пришли доложить, что отряд матросов находится в саду, и посты выставлены у входа в усадьбу. Я прошел в сад и увидел человек пятнадцать матросов и вооруженных штатских, столпившихся у балкона:

— Кто здесь старший? — спросил я.

Вышел какой-то матрос.

— Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, — указал я на моего шурина, — тоже офицер — ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

— Это хорошо, — сказал назвавший себя старшим, — мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами.

— Мы только с татарами воюем, — сказал другой, — матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...

Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала.

К вечеру крымцы оставили город, с ними бежали очень многие обыватели из живших в занятых крымцами кварталах.

11 января часов в десять утра я был разбужен каким-то шумом. Приподнявшись на кровати, я услышал громкие голоса, топот ног и хлопанье дверей. В комнату ворвались человек шесть матросов, с винтовками в руках, увешанные пулеметными лентами. Двое из них, подбежав к кровати, направили на меня винтовки, крича: «ни с места, вы арестованы». Маленький прыщавый матрос с револьвером в руке, очевидно старший в команде, отдал приказание двум товарищам встать у дверей, никого в комнату не пропуская.

— Одевайтесь, — сказал он мне.

— Уберите ваших людей, — ответил я, — вы видите, что я безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас я оденусь и готов идти с вами.

— Хорошо, — сказал матрос, — только торопитесь, нам некогда ждать.

Матросы вышли, и я, быстро одевшись, прошел в коридор и, окруженный матросами, пошел к выходу. В дверях я увидел жавшихся в кучу, плачущих наших служащих. В саду, у подвезда, нас ждали еще человек десять матросов и с ними недавно выгнанный мною помощник садовника; пьяница и грубиян, он незадолго перед этим на какое-то замечание жены моей ответил грубостью. Я как раз в это время выходил в сад и, услышав, как грубиян дерзил жене, вытянул его тростью. На следующий день он был уволен и теперь привел матросов.

— Вот, товарищи, этот самый генерал возился с татарами, я свидетельствую, что он контрреволюционер, враг народа, — увидев меня, закричал негодяй.

С балкона, в сопровождении двух матросов, спускался брат моей жены, также задержанный. Пройдя садом, мы вышли на улицу, где ждали присланные за нами два автомобиля; кругом стояла толпа народа. Слышались ругань и свист, некоторые соболезновали. Какой-то грек, подойдя к матросам, пытался за нас заступиться:

— Товарищи, я их знаю, — показывая на нас, сказал он, — они ни в чем не виноваты, и в бою не участвовали.

— Ладно, там разберутся, — отстранил его один из матросов.

Мы стали садиться в автомобиль, когда, расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбежав к автомобилю, она ухватилась за дверцу и пыталась сесть, матросы ее не пускали. Я также пробовал уговаривать ее остаться, но она ничего слушать не хотела, плакала и требовала, чтобы ее пустили ехать со мной. «Ну ладно, товарищи, пусть едет», — сказал наконец один из матросов. Автомобили помчались по улице по направлению к молу. Там виднелась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изредка обстреливали город. Автомобили остановились у пришвартовавшегося миноносца. «Вот они, кровопийцы. Что там разговаривать, в воду их», — послышались крики из толпы. Мне бросились в глаза лежавшие на молу два трупа, кругом стояла лужа крови... Стараясь не смотреть на окружавшие нас зверские лица, я быстро прошел по сходням на миноносец, вместе с женой и шурином. Нас провели в какую-то каюту. Почти тотчас же в каюту вошел какой-то человек в морской офицерской форме, но без погон. Он поразил меня своим убитым и растерянным видом. Жена бросилась к нему и стала спрашивать, что с нами будет; он пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаном миноносца и обещал сделать все, чтобы скорее разобрать наше дело:

— Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят, — говорил он, но ясно было, что сам не верит в свои слова...

Шум и топот раздались близ каюты, и толпа матросов появилась в дверях. Они требовали выдачи нас и немедленной расправы. С большим трудом капитану и пришедшим к нему на помощь двум-трем матросам удалось уговорить их уйти и предоставить нашу участь суду.

Через полчаса привели еще одного арестованного — какого-то инженер-полковника. По его словам, он был захвачен также по навету служащего, с которым у него были денежные расчеты. Он больше всего беспокоился об оставленных им дома деньгах и важных документах, которые могли пропасть.

Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным, как грабитель или шпион, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены, и я решил сделать все возможное, чтобы ее удалить. Между тем, она упросила капитана провести ее в судовой комитет и там пыталась говорить и разжалобить. Наконец, она вернулась, конечно, ничего не добившись. Я стал уговаривать ее пойти домой:

— Здесь ты помочь мне не можешь, — говорил я, — а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверили мое неучастие в борьбе.

После долгих колебаний она решила. Я был уверен, что уже больше ее не увижу. Сняв с руки часы-браслет, которые она подарила мне невестой и которые я всегда носил, я сказал ей:

— Возьми это с собой, спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать.

Она взяла часы и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица:

— Я поняла, все кончено, — сказала она, — я остаюсь с тобой.

На ее глазах только что толпа растерзала офицера.

Ежeminутно ожидая конца, просидели мы в каюте до сумерек. Около пяти часов в каюту вошли несколько матросов и с ними молодой человек в кепке и френче, с бритым лицом, державшийся с большим апломбом. Обратившись к сидевшему с нами полковнику, он объявил ему, что он свободен — «вы же, — сказал он, обращаясь ко мне и к моему шурина, — по решению судового комитета предаетесь суду революционного

трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных». Полковник вышел, но минут через десять мы увидели его вновь. Он горячо спорил с сопровождавшим его матросом: «я требую, чтобы мне вернули мои часы и мой бумажник, в нем важные для меня документы», — горячился он. Матрос казался смущенным, «я ничего не знаю, — говорил он, — обождите здесь, сейчас приглашу комиссара», он вышел.

— Моего освобождения потребовали мои служащие, — портовые рабочие. За вас также пришла просить толпа народа, — быстро проговорил полковник, — не беспокойтесь, Бог даст и вам удастся отсюда выбраться...

Пришел комиссар, и полковник вышел с ним.

Вскоре за нами пришли. Под конвоем красногвардейцев нас повели в здание таможни, где содержались многочисленные арестованные. Было темно, дул холодный ветер и шел дождь. Толпа разошлась, и мы беспрепятственно прошли в нашу новую тюрьму. В огромном зале с выбитыми стеклами и грязным заплыванным полом, совершенно почти без мебели, помещалось человек пятьдесят арестованных. Тут были и генералы, и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и несколько татар, и какие-то оборванцы. Несмотря на холод и грязь, здесь на людях все же было легче. Хотя все лежали, но никто, видимо, не спал, слышался тихий разговор, тяжелые вздохи. На лестнице стояла толпа матросов и красногвардейцев, и оттуда доносилась площадная ругань. Вскоре стали вызывать к допросу. Допрос длился всю ночь, хотя допрашивали далеко не всех. Вскоре вызвали меня. Допрашивал какой-то студент в пенсне, маленький и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы об имени, годах, семейном положении. Затем он предложил вопрос, признаю ли я себя виновным.

— В чем? — вопросом ответил я.

Он замялся.

— За что же вы арестованы?

— Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине я могу только догадываться, — и я рассказал ему о том, как побил нагрубившего жене помощника садовника, из мести ложно донесшего на меня:

— Я не знаю, есть ли у вас жена, — добавил, — думаю, что если есть, то вы ее также в обиду бы не дали.

Он ничего не ответил и, записав мое показание, приказал конвойным отвести меня в камеру арестованных. С утра стали приводить новых арестованных. К вечеру доставили хорошего нашего знакомого, молодого